

Ли Жун долго молчал; Чжан Чжаохэ тоже не спешил нарушать тишину. Оба они замерли у перил, словно отгородившись от суеты невидимым барьером.

На вершину один за другим поднимались студенты. Кто-то сразу бежал к беседке, ища место для отдыха, кто-то вежливо здоровался, проходя мимо Чжан Чжаохэ.

Учитель отвечал им мягкой улыбкой и кивком, но в его взгляде Ли Жун теперь отчётливо видел то, что скрывалось за маской доброжелательности.

Холод. Равнодушие, которое невозможно было скрыть дежурной вежливостью. Глубокое, вьевшееся в кости презрение.

Эти дети попали к нему в класс лишь потому, что провалили экзамены и оказались не нужны системе. Чжан Чжаохэ было глубоко плевать на их жизни и будущее, а потому его не заботило, тратят ли они своё время на учёбу или впустую.

Все эти годы он жил именно так. Люди говорили, что старик слишком труслив и никчёмён, чтобы навести порядок в классе, но Ли Жун понимал: тот просто считал, что эти студенты недостойны его усилий.

И внимание, которое Чжан Чжаохэ уделял ему теперь, объяснялось отнюдь не только первым местом в рейтинге. В конце концов, в прошлой жизни учитель так и не вышел из тени.

Ли Жун пришёл к выводу, что всё дело в его нынешних достижениях.

«Я могу не ходить на лекции и всё равно оставаться лучшим. Я опубликовал статью Ли Цинли под его именем. Я причастен к краху фармацевтической компании „Мэйцзян“ и тесно связан с Первым и Третьим районами Палаты Ланьшу»

Всё это делало его нынешнего гораздо ценнее прошлой версии самого себя. Сейчас он казался по-настоящему выдающимся, способным на вещи, которые не под силу его сверстникам.

Юноша невольно горько усмехнулся. Ему не хотелось признавать себя «человеком одной крови» с Чжан Чжаохэ, но, к своему ужасу, он слишком хорошо понимал чувства этого человека.

К полудню вся группа наконец была в сборе. Солнце палило нещадно, и на вершине стало полетнему тепло. Чжан Чжаохэ велел всем выстроиться у стелы рядом с двориком для общего снимка, но сам вставать в кадр отказался.

Когда широкоугольный объектив запечатлел улыбающиеся лица и толпа начала понемногу рассеиваться, Чжан Чжаохэ внезапно подошёл к Ли Жуну.

— Какое совпадение, — негромко и многозначительно произнёс он. — Десять лет назад Ли Цинли стоял ровно на том же месте, где сейчас стоишь ты.

Ли Жун широко раскрыл глаза, но не успел он сорвать вопрос с губ, как старик развернулся и ушёл прочь. Слова так и застряли в горле.

Но из этой фразы юноша вычленил главное.

Десять лет назад среди тех самых «единомышленников», совершавших восхождение вместе с Чжан Чжаохэ, был Ли Цинли!

Зачем старик открыл ему это? Чтобы расположить к себе и заставить Ли Жуну ослабить бдительность?

Спустившись с горы, группа устроила прощальный обед с барбекю в агроусадьбе у подножия. В университет они вернулись лишь к пяти часам вечера. Закат, пропитанный влажным туманом, лениво сползал за горизонт, отбрасывая бесконечно длинные тени от зданий.

Ли Жун не верил Чжан Чжаохэ, но слова учителя глубоко запали ему в душу. Выйдя со стадиона, он шёл в каком-то оцепенении, даже забыв ответить на сообщение Цэнь Сяо. Ноги сами вели его по знакомым улицам, и вскоре он обнаружил себя на площади с фонтаном.

С тех пор как стало известно, что Хань Ин — именно тот человек, которого искала тётя Хуэй, та перестала так отчаянно цепляться за торговлю у Университета А. Ожидая справедливости, Сюй Танхуэй начала искать в жизни иные смыслы, возвращаясь к делам, на которые раньше не хватало ни сил, ни душевного покоя.

Ли Жун давно здесь не был. Он тяжело вздохнул и медленно пошёл сквозь толпу к тому месту, где обычно стоял лоток тётя Хуэй.

«С нашей первой встречи здесь прошло уже два с половиной года...»

Погружённый в тяжёлые думы, он не сразу заметил движение вниз, пока чьи-то маленькие ручки не обхватили его ноги. Юноша замер.

— Брат Ли! Ты пришёл на меня посмотреть?

Тунтун задрала голову, сияя круглыми глазками и широко улыбаясь. Девочка была очень ласковой: она буквально прильнула к его коленям, вцепившись пальчиками в ткань брюк. Её

длинные волосы разметались по плечам — она была красива, словно фарфоровая кукла.

Ли Жун невольно улыбнулся и легонько ущипнул её за щёку.

— Снова пришла с мамой торговать? — Он присел на корточки, притягивая малышку к себе.

Тунтун немного застеснялась, но тут же потянулась рукой, чтобы потрогать его волосы. Несмотря на возраст, она отлично понимала, что такое красота, и внешность Ли Жуна вызывала у неё инстинктивное желание быть ближе.

— Мама сказала, что теперь у нас есть лекарство и дом продавать не нужно. Спасибо тебе, брат Ли!

Перед тем как Шэнь Гуй отправилась устраивать скандал в клинике Чжай Нин, Ли Жун пообещал, что возьмёт на себя обеспечение Тунтун медикаментами, пока не создаст Люйиньсюй, способный полностью излечить её.

При этой мысли юноша внезапно замер.

«Исцелить Тунтун?»

Она была первым пациентом с бактериальной прогерией, с которым он столкнулся лично. Чего бы это ни стоило, он обязан вернуть ей здоровье.

Ли Жун вдруг осознал, в какой пугающий логический водоворот затянул его Чжан Чжаохэ. Стоя на вершине и глядя на мир свысока, легко поддаётся иллюзии собственного превосходства. Поддавшись ядовитым речам учителя, он на миг перестал чувствовать себя частью человечества.

«Я возомнил себя кем-то, кто стоит над миром, считая, что все мне должны, а люди вокруг — омерзительны»

Его ненависть была абстрактной и глобальной, но спасти он хотел вполне конкретных людей.

Таких как Тунтун, которая доверяла ему, любила его и прижималась к нему, ища защиты. Он хотел, чтобы она выздоровела и прожила долгую, нормальную жизнь, не зная мук, которые приносит недуг. Он мог это сделать. И для неё он был воплощением надежды.

Этого было достаточно.

— Брат Ли, что с тобой? — Тунтун осторожно ткнула его мягким пальчиком в щёку, во все

глаза глядя на него. Заметив, что выражение его лица стало странным, она замерла, боясь потревожить его.

Ли Жун прищурился в доброй улыбке и ласково погладил её по спине.

— Ничего. Просто подумал: почему ты не в детском саду?

Тунтун весело фыркнула:

— Глупенький! Сегодня же выходной!

Ли Жун впервые слышал в свой адрес подобное. Он беспомощно рассмеялся:

— Ладно-ладно, виноват, забыл. Брат Цэнь Сяо заждался меня, так что мне пора домой.

— Хорошо! — нежно отозвалась девочка.

Ли Жун коротко попрощался с Шэнь Гуй и направился к апартаментам. У самой двери он наконец достал телефон и увидел множество сообщений от Цэнь Сяо. В своём сумбуре он даже не удосужился на них взглянуть.

Стоило ему переступить порог и почувствовать родной, знакомый аромат дома, как броня дала трещину. Лишь сейчас он ощутил, насколько эмоционально истощён.

Услышав шум, из кабинета вышел Цэнь Сяо.

— Вернулся. Что будем на ужин?

Ли Жун замер в прихожей, глядя на него. Его веки едва заметно подрагивали.

— Я весь взмок. Сначала хочу в душ.

Цэнь Сяо внимательно осмотрел его и слегка нахмурился. Ли Жун не пытался скрыть своё состояние, и эта потерянность не укрылась от взгляда партнёра.

— Что-то случилось?

— Поговорим после душа.

Ли Жун быстро скинул одежду и ушёл в ванную. Зашумела вода, помещение мгновенно затянуло густым паром. Спустя полчаса он вышел, обернувшись полотенцем.

Цэнь Сяо ждал у двери. Заметив его, он отставил чашку с кофе на стол, сделал шаг навстречу и мягко коснулся влажных волос Ли Жуна.

— Малыш, о чём таком тебе наговорил Чжан Чжаохэ?

Волосы были мягкими и послушными; намокшие, они делали Ли Жуна похожим на беззащитного котёнка. Капли воды стекали по кончикам прядей, подчёркивая белизну кожи.

Ли Жун обхватил Цэнь Сяо за плечи, прижимаясь едва обсохшим телом к его рубашке. Уткнувшись подбородком в плечо мужчины, он едва слышно прошептал:

— Это был удар в самое сердце.

Рука Цэнь Сяо замерла, зрачки мгновенно сузились. Он медленно провёл ладонью от затылка вниз, по шее и плечам. Сухая, горячая кожа Цэнь Сяо обжигала Ли Жуна, а сильные руки властно прижали его к себе.

— Но ты позволил его словам проникнуть внутрь.

Если бы слова старика не задели живое, Ли Жун не был бы так раздавлен. Яд Чжан Чжаохэ был логически безупречен и бил по самым глубоким убеждениям.

— Да. Но сейчас я уже пришёл в себя, — пробормотал он, прикрыв глаза.

Влажное полотенце и мокрые волосы уже пропитали рубашку Цэнь Сяо насквозь. Холодные капли скользили по коже мужчины.

Цэнь Сяо низко рассмеялся. Он чувствовал сладкий аромат геля для душа с грейпфрутом, но ещё острее ощущал то, как напряжено тело Ли Жуна.

— Пришёл в себя, но тебе всё ещё плохо.

Ли Жун закусил губу и, подавшись вперёд, прижался к уху Цэнь Сяо. Почти касаясь его кожи, он попросил жалобным, срывающимся шёпотом:

— Трахни меня. Прямо сейчас.

Дыхание Цэнь Сяо стало тяжёлым. Он крепче сжал его талию.

— Только об этом и мечтаю.

Он понимал: Ли Жуну нужна разрядка. Ему нужно было вытравить из головы этот назойливый шум, заглушить чужой голос. А ничто так не вычищает лишние мысли, как близость с любимым человеком. Тем более что Цэнь Сяо лучше всех знал, как доставить Ли Жуну удовольствие.

Он подхватил его на руки и отнёс в спальню.

Цэнь Сяо не успел даже расстегнуть мокрую рубашку, как Ли Жун перехватил инициативу. Он повалил его на кровать и, оседлав сверху, принялся грубо рвать пуговицы. Он был похож на изголодавшегося зверёныша, вымещающего ярость на неважных предметах.

Но стоило одежде полететь на пол, как Ли Жун затих. Он заглянул в глаза Цэнь Сяо влажным взглядом и, тяжело дыша, приказал:

— Будь жёстче.

<http://bllate.org/book/15351/1570861>